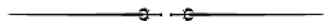

ОРЛАНДО ДЕ БРЕГ

**РЫСЬ
ГОСПОДНЯ**

**ИДУЩИЕ
СЛЕДОМ**

Игорь НЕГАТИН

Орландо де Брег

**ИДУЩИЕ
СЛЕДОМ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н41

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
И. Хивренко

Негатин, Игорь Якубович.

Н41 Орландо де Брег. Идущие следом : [фантастический роман] / Игорь Негатин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-86764-6

Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время убивать и время искать ответы на тайны ушедших времен. Всему предопределенному и сущему назначен свой час, и не дано человеку знания, когда грянет час беспощадной войны, а когда придет срок и тайное станет явным. Главное — оставаться человеком. В любых испытаниях, на которые так щедр наш Господь. «Идущие следом», продолжение романа «Рысь Господня», ответит на все вопросы наших героев — Орландо де Брега и Жака де Тресса. Орландо ищет спасения от страшного проклятия, исковеркавшего всю его жизнь, а Жак, мечтавший стать послушником, пытается найти свое место в страшном и беспощадном мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86764-6

© Негатин И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Глава 1

Колокольный звон плыл над городом. Он разносился над разомлевшим от летнего зноя Баксвэром, словно упрекая всех добропорядочных христиан в греховных помыслах о кружке прохладного вина и праздном безделье. Следом за городским Собором ударили колокола монастыря Святой Женевьевы, возвещая о полуденной мессе. Звонарь этой Святой обители пребывал в довольно почтенном возрасте, а посему и опаздывал, за что был часто порицаем отцом настоятелем. Я обратил взгляд в сторону зарешечённого окна и перекрестился...

Охапка почерневшей, скверно пахнущей соломой, глиняный кувшин с щербатыми краями и несколько свечных огарков на черепках от разбитой посуды. Прутья решётки, холодный гранит и узкий солнечный луч, в котором золотилась вечно неторопливая пыль. Не самое достойное жильё для дворян, но кто нам позволит выбирать узилище согласно привычкам и вкусам? Нам ещё повезло: этот каменный мешок был расположен на втором этаже тюрьмы, и мы видели краешек лазурного неба, мачты кораблей в порту и черепичные крыши домов, что связывало нас с миром, избавляя от промозглой серости застенков.

Да, эти камни помнят многое! Обладай они умением говорить — поведали бы такое количество ужасных историй, которое заставило бы содрогнуться любого храбреца, попавшего в эту юдоль скорби.

— Полноте вздыхать, Жак де Тресс! Это не самое плохое место, в котором мне доводилось бывать, — сказал шевалье де Брег и усмехнулся. Он устроился напротив и с наслаждением подставил лицо скупому лучу солнца, который проникал в нашу темницу после полудня.

— У нас нет причин радоваться, — осторожно заметил я.

— Неужели вы полагаете, что завтра окажетесь на плахе?

— Разве сие невозможно?

— Всё в руках Господа нашего Иисуса Христа, но не думаю, что он будет так невыносимо скупен и предсказуем в своих карах. Понадеемся на его милосердие и всеблагую мудрость. Хотя... Кто знает? Мы сидим здесь целую неделю, но никто не горит желанием предъявить нам новые обвинения или подтвердить уже озвученные.

— Вас, шевалье, смотрю, это забавляет?

— Как вам сказать, Жак... Не вижу причин жаловаться. Или вы полагаете, что, надень нам тюремщики вот эти украшения, было бы веселее? — произнёс Орландо и указал на кандалы, висящие на железных кольцах. Изъеденные ржавчиной, они служили предостережением, что судьба могла вернуться и другой, более суровой, стороной.

— Спаси Господь!

— Вот именно... — вздохнул шевалье. — Что ка-

сается забав, Жак де Тресс, то вы не правы! Напротив — мне жутко скушно!

— Скушно?

— Это вам, Жак, «скушно», а мне именно скушно. Размышлять о старых загадках изрядно надоело, а новых и вовсе не предвидится. Я уже готов обратиться к истории о предательстве Иуды.

— Господь с вами, де Брег! Что может быть интересного в этой истории?

— Не скажите, Жак... — протянул шевалье. — В этом происшествии, как ни крути, много тёмных пятен, идущих вразрез с логикой, но сие грозит обернуться долгими и совершенно излишними спорами, — он немного помолчал и продолжил: — Клянусь Гробом Господним, наше заключение очень не вовремя! Святые отцы страдают от полученных ран, шериф Баксвэра сходит с ума, а всё это навевает сильнейшую дрёму. Мне скушно! Будь это возможным, я бы заснул и не просыпался до самой зимы. Ко всему прочему, здесь скверно кормят!

Словно в ответ на жалобы моего друга за дверью послышались шаги, и кто-то звякнул связкой ключей. Спустя мгновение раздался скрежет замка, щёлкнул засов, и дверь темницы распахнулась. В полутёмном проёме показалась сгорбленная фигура одного из тюремщиков, который — к величайшему изумлению — принёс большую корзину, укрытую куском белого полотна.

— Добрый день, господа...

— Добрый? — изумился Орландо де Брег. — Да вы изрядный шутник, как я погляжу!

— Слава Иисусу Христу, — кивнул я.

— Во веки веков, — смиренно отозвался тюремщик и поставил на пол свою ношу.

Судя по ароматным запахам, заполнившим наш склеп, в корзине находились воистину королевские яства, способные раздражить любого питуха¹ и обжору, а уж нам, седмицу прожившим на чёрством хлебе и воде, сам Бог велел насторожиться и начать принюхиваться к этим ароматам.

— Это вам передал мастер Гай Григориус, — добавил он.

— Святой человек! — воскликнул Орландо и подхватил корзину.

— Будь это возможным, он бы передал вам еду и раньше, но баксвэрский шериф, опасаясь вашего побега...

— Чёрт с ним, с этим тупоголовым пьяницей и бездельником! — перебил шевалье и начал выкладывать припасы на плащ, брошенный на пол темницы.

Вино в кувшине, пяток жареных цыплят, два жирных каплуна, приготовленных со всем уважением к обжигающим нёбо приправам, две копчёные рыбины, несколько хлебов, пучок зелени и свежая, исходящая нежным соком ветчина...

Когда мы закончили пировать, а от подарка остались лишь обглоданные кости, шевалье привалился к стене и облегчённо вздохнул:

— Ну вот, теперь можно и подумать. Как ни старайся, но скверно размышлять на пустое брюхо! Скверно и, даже не убоюсь этого слова, вредно!

¹ Питух — пьяница.

Человеческое тело, Жак де Тресс, не терпит пустоты! Ни в голове, ни уж тем более в чреве.

— Несмотря на заветы святых отцов, кои советуют держать тело в строгости, мне трудно с вами не согласиться, — признал я и допил вино.

— Святые отцы остались по ту сторону дверей, — заметил де Брег, — и уж точно не станут ломать себе головы над нашими грехами и напастьями.

— Звучит не слишком весело.

— Увы, мой бедный друг... — шевалье посмотрел на окно и тихо добавил: — Ещё несколько недель, и нам станет тесно в этой темнице. Это скверно...

Его тяжёлый недуг был мне хорошо известен. Я видел, как этот храбрый и благородный дворянин, проклятый неизвестным чародеем, обращается в зверя. Да, он был оборотнем. Орландо де Брег... Оборотень из монастыря Святой Женевьевы, ставший мне другом.

Как говорил Агниус, мой монастырский наставник, да упокоит Господь его бессмертную душу: «Судьбу два раза не встречают!» Он был прав. Прав в своей неиссякаемой мудрости, которой щедро делился с новичиантами Святой обители. Увы, этот почтенный старец был убит и нашёл упокоение на монастырской земле, где погребены уже многие, посвятившие свою жизнь служению Всевышнему.

Моя судьба распорядилась иным образом. Я, Жак де Тресс, должный стать монахом, стал добрым спутником Орландо де Брегу. Человеку, носящему в себе зверя. Жёсткому, а подчас и

жестокому. Некоторые поступки казались противоречивыми, что заставляло усомниться в его благоразумии, но открывали всё новые загадки человеческих душ и людских судеб. Ко всему прочему шевадьё был настоящим кладёзем знаний, почерпнутых в книгах. Если вы читали мои записи, то многое будет знакомо и понятно. Как и тайна наших злоключений, которая, по ложному свидетельству или доносу, привела в темницу городской тюрьмы. Что бы ни случилось, оставалось уповать на милость Господню, которая могла облегчить нашу незавидную участь.

— Что будем делать, Жак? — спросил де Брег.

— Простите?

— Может быть, подумаем о наших планах?

— Вы не боитесь... — попытался предостеречь я, но шевадьё не дослушал и поднял руку. Он уже в который раз удивлял чрезмерно острым слухом и зрением, позволявшим видеть даже в кромешной мгле. Вот и сейчас де Брег закрыл глаза, а затем, после небольшой паузы, кивнул и продолжил:

— Нам нечего опасаться. Тюремщики ушли вниз, а в соседней камере сидит обезумевший торговец. Сейчас он спит. В другой, — шевадьё указал на стену, — сидит, а если быть точным, то сидела, женщина. Её увели утром, пока вы ещё спали. Судя по рыданиям, бедняжка свела знакомство с палачом и уже не вернётся.

— Отчего вы так решили?

— Всю ночь она бодрствовала и умоляла Господа не оставить заботами дочку, которую больше не увидит. Так что неизвестная Амели станет си-

ротой по вине одного зажиточного купца, написавшего заведомо ложный донос.

— Донос? За что?!

— Увы... — Орландо де Брег развёл руками. — Это мне неизвестно. Возможно, наша соседка отвергла его ухаживания и не согласилась разделить с ним ложе. Мало ли женщин сожжено на кострах по лживым наветам? Нам и без этого есть что обсудить, не правда ли?

— Вы совершенно правы, шевалье.

— Чем больше я размышляю над тайной гобелена, — продолжал рассуждать де Брег, — тем чаще склоняюсь к мысли, что дело не только в сказочных сокровищах рода де Буасси.

— Почему вы так думаете?

— Слишком много людей оказалось вовлечено в это буйство смерти.

— Измена престолу? — предположил я.

— Господь с вами, Жак! Наш король прекрасно знает о настроениях этих знатных господ, кои льстят ему на пирах и турнирах, а между тем плетут заговоры, заключают союзы и ждут удобного случая, дабы избавиться от власти венценосца. Тут дело в чём-то другом, более интересном и более древнем...

— Эта тайна очень важна для служителей Святой церкви.

— Вы совершенно правы, Жак. Недаром наш аббат и его преподобие так сцепились.

— Графиня...

— Увы, графиня Ирэн де Фуа, которой вы служите, причастна лишь косвенным образом. Ей посчастливилось стать богатой вдовой, а деньги

часто притягивают разное отребье вроде почивших в бозе барона де Мелло и шевалье Дампьера. Хотя... не скрою, что их интересы затрагивали не только графские богатства. Как-никак, но шевалье сумел выкрасть гобелен из монастыря Святой Женевиевы. Зачем?

— Чтобы добиться поддержки святых отцов, разумеется!

— Возможно... — шевалье нахмурился и провёл рукой по лицу. — Возможно, но это лишь одно из предположений. Если вы не забыли, то барон де Мелло изначально прибыл в Баксвэр на встречу с аббатом. Прибыл, не имея злосчастного гобелена, за которым охотились святые отцы. Полагаю, что аббат Хьюго знает тайну изображения, но ему не хватает подробностей, заключённых в записях покойного графа...

— Которые находятся в руках служителей Святого Трибунала, — добавил я.

— Его преподобие отец Раймонд, — усмехнулся шевалье, — скорее сам взойдёт на костёр, чем добровольно отдаст графские дневники и записи.

— Де Брег, вы запомнили о некой третьей силе.

— Которая нашла способ и заточила нас в темницу?

— Вы полагаете, это дело их рук?

— Шериф весьма недалёк, а если откровенно, то скорбен и умом, и телом. Единственное, в чём ему не откажешь, так в откровенной жадности и слепой верности престолу. На этих чувствах, как вы понимаете, легко играть. Если пообещать за-

молвить словечко при дворе его величества, то он будет готов на что угодно!

— Жаль, но всё это лишь наши домыслы, — подвёл итог я. — Дабы их проверить, нам надо оказаться на свободе, а сие почти невозможно...

— Не торопитесь умирать, Жак де Тресс! Поживём — увидим!

Глава 2

Не прошло и двух дней, как наш тюремный покой — пусть и весьма сомнительный — был прерван двумя дюжими стражниками, которые заявили в темницу и приказали следовать за ними. Судя по тому, что меня и Орландо вывели вместе, предстояло не простое дознание, которое согласно артикулу тех далёких лет должно было проводиться порознь. Моя догадка подтвердилась, и вскоре мы предстали перед шерифом Баксвэра — пожилым мужчиной лет сорока. Его звали Филипп де Камрон. Невысок ростом, грузен, а жирное и одутловатое лицо, украшенное красными прожилками, свидетельствовало о нездоровом и греховном образе жизни.

Он преизрядно потел, а по звукам кашля можно было догадаться о присутствии в слюне серых мокрот — предвестников тяжёлых и опасных недугов. Увидев нас, Филипп недовольно скривился, словно узрел нечто, недостойное его внимания.

— Господа, вы знаете, в чём вас обвиняют... — произнёс шериф. Произнёс, надо заметить, весь-

ма безразличным тоном, но нечто в его голосе и жестах говорило о совершенно ином. Сей толстяк был изрядно взволнован. Орландо де Брег не отреагировал на эти слова. Я счёл этот поступок весьма разумным и последовал его примеру.

— Молчите, а следовательно, признаёте свою вину, — продолжал Филипп. — Мои люди...

— Поступки ваших слуг, сударь, свидетельствуют о душевных недугах! Только безумцам могла прийти в голову мысль обвинить меня и Жака де Тресса в колдовстве и злодеяниях, с этим связанных.

— Колдовстве?! — восторженно воскликнул мужчина.

— Извините, но иного способа не вижу. Как мы могли покушаться на жизнь святых отцов, если не посредством волшебства? Вы ведь знаете, что в день покушения нас не было в Баксвэре.

— Это значит, вы отрицаете свою причастность? — криво усмехнувшись, спросил шериф.

— Нет, я не буду отрицать. Напротив.

— Что?!

— Признаю, что я, Орландо де Брег, прибегал к богопротивным занятиям, под которыми понимают изучение книг о колдовстве и магии, — произнёс шевалье и прищурился. Когда я услышал эти слова, то не поверил своим ушам, но шериф выглядел ещё более удивлённым, чем ваш покорный слуга.

— Вы... — Он даже охрип и начал запинаться. — Понимаете, что этими словами подписали свой смертный приговор?!

— Как знать, сударь, — усмехнулся Орландо, — как знать...

— Вы обезумели?!

— А вы что, увидели во мне родственную душу?

— Увести их! — рявкнул разозлённый шериф и оскалился, но тут же зашёлся тяжёлым, удушающим кашлем и замахал руками. Стражники подхватили меня и шевалье под руки и вытолкали в двери.

Несколько узких коридоров, две лестницы, и нас втолкнули в темницу. Щёлкнул замок, послышалась грязная ругань и шум удаляющихся шагов. Когда всё стихло, я посмотрел на де Брега и, не найдя подходящих слов, дабы выразить свои чувства, развёл руками:

— Признаться, шевалье, я...

— Чем вы так удивлены, Жак? — спросил де Брег и с удовольствием развалился на соломе.

— Ваши слова, сказанные шерифу.

— Оставьте! — Он лениво отмахнулся и закинул руки за голову. — Вы же неглупый малый! Подумайте и представьте все последствия моего заявления.

— Костёр и пытки, — пожав плечами, предположил я. — Или плаха. Если нам повезёт.

— Жак, чёрт бы вас побрал! Не торопитесь так с выводами! Они, кстати, весьма далеки от истины. Жизнь, как ни крути, хороша и приятна, а если Гай Григориус будет так добр, что передаст нам ещё одну корзину с припасами, то и вовсе станет чудесной. Признаться, я так голоден, что не отказался бы даже от куска жареной трески. Пусть и без пряностей, кои так обожает наш щедрый мастер. Костёр... Костёр подождёт. Такие вещи так просто не решают.